

© 2011 г.

И.Ф. МАКАРОВА

ТАНЗИМАТ И БАЛКАНСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В 60–70-х годах XIX века

Процесс радикального реформирования архаичной структуры традиционного османского общества известен в истории под турецким названием Танзимат (в значении “комплекс преобразований”). Танзимат стал символом целой эпохи. Однако его хронологические рамки вызывают у историков серьезные споры. Общепризнанным является лишь очевидное деление на два периода – до и после заключения Парижского мирного договора 1856 г. Причем, если в отношении верхней хронологической границы разброс мнений относительно невелик (чаще всего в пределах начала – конца 70-х годов XIX в.), то вопрос о времени начала Танзимата до сих пор остается в науке открытым. Датировка у разных исследователей колеблется в пределах почти половины столетия – от 90-х годов XVIII в. до 1839 г.

Суть столь серьезных расхождений состоит в сложности оценки и, соответственно, классификации проводимых в Османской империи преобразований с точки зрения их соотношения с критериями самого акта реформаторской деятельности. В соответствии с позицией по данному вопросу складывается та или иная точка зрения исследователей на проблему хронологии. Использование европейских критериев, включающих в себя представления о реформах как процессе либерализации и демократизации общества, обычно предопределяет склонность ученых к максимально узкой трактовке Танзимата и его хронологических рамок. Начало в данном случае увязывается с актом обнародования в 1839 г. Гюльханейского хатта (Хатт-и шерифа) или даже Хатт-и хумайуна 1856 г., провозгласивших курс на достижение правового равенства между мусульманами и иноверными подданными султана. Стронники этого подхода предпочитают делать основной акцент на тех нововведениях, которые были направлены на расширение прав и свобод христиан, а также на внедрение в исламское общество некоторых правовых норм и институтов, скопированных с западных образцов (в основном французских). Такой взгляд на проблему традиционно типичен для европейской (в том числе балканской и отечественной) историографии. Для большинства турецких ученых характерен иной подход. Их попытка дистанцироваться от европейских стереотипов и оценить ситуацию с точки зрения внутренней эволюции самого османского общества ведет к диаметрально противоположному результату – исключительно широкому толкованию понятия и хронологических границ Танзимата. В этом случае его начальный рубеж относят к 90-м годам XVIII в., т.е. ко времени первых нововведений периода правления султана Селима III (1791–1808).

Однако, независимо от этих расхождений, подавляющее большинство исследователей сходится во мнении, что появление ссылки на Хатт-и хумайун в тексте международного документа – Парижского мирного договора, открыло принципиально новый этап в истории турецких реформ, предоставив великим державам (странам – гарантам

договора – Великобритании, Франции и России) уникальную возможность не только контролировать, но порой и направлять модернизационный процесс на территории независимого суверенного государства. Не без их прямого участия в 1856–1878 гг. на основе и в развитие Хатт-и хумайуна османским правительством был принят ряд многочисленных законодательных актов, направленных на внедрение европейских буржуазных норм в сферу имущественных отношений, администрирования, судопроизводства.

Впрочем, если судить по докладам, поступавшим в 60-е годы XIX в. из российских консульств, расположенных на территории европейских провинций Османской империи, создается впечатление, что турецкие власти были хронически неспособны претворять в жизнь заявленные ими же нововведения¹. Успехи Танзимата, по информации М.А. Байкова, М.И. Золотарева, В.Ф. Кожевникова, А.Н. Кудрявцева, А.Е. Лаговского, В.И. Нягина, А.А. Ольхина, А.В. Рачинского, Н.Д. Ступина, М.А. Хитрово, Н.П. Шишкина, были крайне незначительны, процесс модернизации общества продвигался медленно и неудовлетворительно, а положение христиан продолжало оставаться плачевным. Вот как, например, охарактеризовал в декабре 1866 г. ситуацию в этой сфере управляющий консульством в Адрианополе М.И. Золотарев, посвятивший теме турецких реформ специальный доклад². Отметив в нем некоторые улучшения в положении православного населения (“неслышно разговоров о насильственном обращении людей в магометанство”, “легко устраняются трудности при строительстве церквей”), он тем не менее особо подчеркнул, что перемен принципиального характера не наблюдается: судьи по-прежнему стремятся игнорировать свидетельствования христиан против мусульман в суде; иноверцы допускаются на общественно значимые должности редко; по выборам в меджлисы проходят лишь те христиане, которые угодны местной администрации; отмена подушной подати (хараджа), освобождавшей иноверцев от военной службы, привела к введению для них более высокой ставки налогообложения (бедель); банковская система так и не создана, далее в том же духе. В конце доклада Золотарев делал неутешительный вывод, что к выполнению основных обещаний Хатт-и хумайуна (“равенство прав и налогов”, “гарантии организации судопроизводства”, “свобода совести”) Порты даже не приступала.

Весьма скептическая оценка результатов модернизации Османской империи типична в целом и для современной европейской историографии. На ее фоне недостаточное внимание историков к изучению влияния Танзимата на формирование внешней политики Российской империи, типичное в том числе и для новейших исследований по балканской проблематике³, выглядит закономерно. Между тем ряд неопубликованных документов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), указывают, что на рубеже 60–70-х годов XIX в. министр иностранных дел России А.М. Горчаков и

¹ Зуева Н.В., Шатохина Е.М. Отношение России к турецким реформам в Болгарии (1856–1866). – Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974; Зуева Н.В., Шатохина Е.М. Руските дипломати на Балканите за положението на Османската империя и решаването на българския въпрос през 1866–1867. – Българско възраждане и Русия. София, 1981.

² Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали, т. 2. София, 1990, с. 358–365.

³ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978; Киняпина Н.С. Външната политика на Русия през XIX в. София, 1980; Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981; Международные отношения на Балканах. 1856–1878. М., 1986; Нарочницкая Л.И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856–1871. М., 1989; Jelavich B. Russia's Balkan Entanglements. Cambridge, 1991; Шеремет В.И. Империя в огне: сто лет войн и реформ Блистательной Порты на Балканах и Ближнем Востоке. М., 1994; Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998; Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999; MacKenzie D. Count N.P. Ignat'ev: The Father of Lies? New York, 2002; Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005; *его же*. Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М., 2010; Канева К. Рыцарь Балкан граф Н.П. Игнат'ев. М., 2006; Хевролина В.М. Николай Павлович Игнат'ев. М., 2009.

посол в Стамбуле Н.П. Игнатьев не были склонны (в отличие от своих подчиненных) недооценивать реформаторские успехи Порты. Более того, продвижение Турции по пути Танзимата начало вызывать у них в эти годы озабоченность столь серьезную, что побудило поднять вопрос о необходимости срочной корректировки балканской политики Российской империи.

Резкий всплеск интереса со стороны высшего звена российского МИД к теме османских реформ связан, скорее всего, с международным кризисом, разразившимся в 1866–1869 гг. вокруг событий на острове Крит. Поставив Османскую империю на грань распада, кризис резко стимулировал активность западных дипломатов, направленную на стабилизацию ситуации внутри Османской империи с целью сохранения политического статус-кво в регионе. Большие надежды возлагались ими, в частности, на процесс ускоренной европеизации страны на базе идей Хатт-и хумаюна и консолидации населения в рамках концепции османизма, предусматривавшей так называемое слияние наций⁴.

В феврале 1867 г. Порте был представлен французский проект реформ, разработанный под непосредственным руководством министра иностранных дел маркиза де Мустье. План был ориентирован на совершенствование системы администрирования, что должно было, по мысли его создателей, обеспечить повышение материального благосостояния всех категорий султанских подданных. Наибольший эффект от его реализации разработчики предполагали получить во внутренних, в том числе болгарских, провинциях, где общая ситуация была, на их взгляд, наиболее стабильной. Относительно областей с болгарским населением маркиз де Мустье высказался вполне определенно: “Народ там мягкий, спокойный, преданный сельскому хозяйству и сам по себе весьма мало думает о восстании; будучи в общем бедным и не имея семей, которые могли бы завоевать престиж в стране; он не располагает вождями, способными встать во главе восстания. Здесь хорошая администрация является наилучшим средством, какое можно применить в нынешних обстоятельствах”⁵.

В российском внешнеполитическом ведомстве французский вариант реформ вызвал нескрываемое раздражение. По мнению составителей годового отчета МИД за 1867 г., вместо того, чтобы заниматься защитой христиан от злоупотреблений турецкой администрации, этот план был нацелен исключительно на “возвышение исламизма до уровня современной цивилизации посредством установлений, скопированных с тех, которые существуют во Франции”⁶.

Русский план, выдвинутый Горчаковым 6 апреля 1867 г., основывался на идее параллельного, но раздельного развития христианских и мусульманских народов. Как отмечалось в том же отчете МИД, его цель была “указать оттоманскому правительству на необходимость распространить административные автономии на все христианские народы, как на единственный способ успокоить население, толкаемое на мятеж вопиющими злоупотреблениями силы и мусульманского фанатизма”⁷.

Представленный Горчаковым “Проект МИД для улучшения быта христиан” предусматривал разделение Европейских провинций Турции на автономные административные области по этническому признаку. Автономии должны были управляться сверху донизу местными выборными кадрами во главе с генерал-губернатором, назначаемым султаном. Представители всех конфессий объявлялись равными перед законом и имели равное право занимать государственные должности всех уровней.

Обтекаемая риторика русского проекта не могла скрыть, однако, его очевидной направленности на создание основ национальной государственности для турецких христиан. Порта сочла этот план абсолютно неприемлемым – “комбинацией еще бо-

⁴ *Фадеева И.Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм – панисламизм). XIX – начало XX в. М., 1985, с. 56–96.

⁵ АВПРИ, ф. Канцелярия, 1867, д. 132, л. 29.

⁶ Там же, ф. Отчеты МИД, отчет МИД за 1867 г., л. 104.

⁷ Там же, л. 105об.

лее опасной для Турции, чем уступка Крита Греции... эквивалентом полного распада Османской империи”⁸, “равнозначным подписанию собственного смертного приговора”⁹. На фоне русского проекта французский вариант административных мероприятий выглядел для турецкого правительства гораздо привлекательнее. Особенно, учитывая, как отметили в российском посольстве в Стамбуле, стойкую приверженность Порты доктрине османизма, предусматривавшей “возрождение Турции с помощью слияния народов и материальной цивилизации”¹⁰.

Со стороны западноевропейских держав план Горчакова поддержки также не нашел. Сущность принципиальных разногласий между Россией и Западом по проблеме дальнейшего реформирования Турции русский министр охарактеризовал следующим образом: “Все проекты, основанные на Хатт-и хумаюне, нацелены способствовать мнимому слиянию рас, что является целью западной политики. Принцип их разделения, который мы предлагаем, ведет к противоположному результату. Вот почему он встречает такое сильное сопротивление”¹¹. К этой характеристике можно добавить весьма откровенное высказывание российского посла в Париже А.Ф. Будберга, относящееся к январю 1868 г.: “Улучшение судьбы христиан в глазах западных правительств имеет целью укрепление османской мощи, в то время как для нас означает только затягивание времени, чтобы дать христианам возможность получить достаточное развитие, которое сметет турецкую власть”¹².

Европейский подход к проблеме возобладал. В октябре 1867 г. Порте была вручена коллективная нота стран – гарантов Парижского мирного договора, в которой великие державы подводили итоги 11-летней деятельности турецкой администрации по реализации статей Хатт-и хумаюна и предлагали программу дальнейшего реформирования страны¹³. Результат деятельности османского кабинета был признан этим документом неудовлетворительным. Нота констатировала, что из 35 статей хатта реализованы на практике были, главным образом, первые 16, касающиеся правового статуса иноверцев, их общин и духовенства. Суверенному государству фактически ставился ультиматум. Порту обязывали: обеспечить повсеместный допуск христиан к государственной службе и исполнению воинской обязанности; реорганизовать систему образования (ввести совместное обучение мусульман и иноверцев); реформировать судопроизводство (в соответствии с общепринятыми европейскими нормами); снять все ограничения для развития частной земельной собственности; отменить откупную систему сбора налогов (ильтизам), вакуфное землевладение, ограничения для проникновения европейского капитала в экономику страны. Порта была вынуждена принять ультимативные рекомендации к исполнению.

Именно в ходе обсуждения между представителями великих держав вариантов модернизации Турции и возникла, скорее всего, та настороженность, которая побудила Горчакова и Игнатьева обратить пристальное внимание на политические перспективы, которые потенциально был способен спровоцировать успешный ход Танзимата.

Первым документом, в котором обнаруживается эта тема, стала анонимная конфиденциальная записка от 23 января 1867 г. (без указания адресата), включающая в себя отрывки из анализа политической ситуации в Европе в контексте критского вопроса¹⁴. В этой записке, в частности, отмечалось, что благодаря “советам и капиталам Франции” Оттоманская империя действительно вступила на путь “материального

⁸ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали, т. 3. София, 2002, с. 95.

⁹ АВПРИ, ф. Отчеты МИД, отчет МИД за 1867 г., л. 108.

¹⁰ Там же, ф. Канцелярия, 1867, д. 107, л. 230.

¹¹ Русия и българското национално-освободително движение, т. 3, с. 195.

¹² Там же, с. 180–181.

¹³ *Schopoff A.* Les réformes et la protection des chrétiens en Turquie. 1673–1904. Firmans, bérats, protocoles, traités, capitulations, conventions, arrangements, notes, circulaires, réglemens, lois, mémorandums etc. Paris, 1904, p. 85–89.

¹⁴ АВПРИ, ф. Канцелярия, 1867, д. 107, л. 2–8.

прогресса”, а это, в свою очередь, “может восстановить политическое и материальное положение турок, укрепить их господство и ослабить христиан”¹⁵.

Обширный доклад, в котором Горчаков подробно развил перед императором Александром II данный тезис, датируется 23 декабря 1867 г.¹⁶ В этом документе министр был вынужден признать, что процесс модернизации постепенно становится в Османской империи объективной реальностью, способной угрожать национальным интересам России. “Хотя еще в 1802 г., – отметил он, – императорский кабинет высказал в качестве аксиомы, что в своем состоянии нынешней слабости Турция является самым удобным соседом, какого мы хотели бы желать”, однако проводимые под указку Запада реформы могут серьезно изменить политическую конфигурацию в регионе. “Система, которой добивается Франция, к которой терпимо относится Англия и которую принимают турки, и которая направлена на восстановление Оттоманской империи с помощью материального прогресса, будет иметь своим следствием то, что в распоряжении господствующей власти окажутся все ресурсы цивилизации Запада, а религиозные и национальные чувства, являющиеся единственной животворной силой христианского Востока, иссякнут благодаря импортированному извне благополучию”. В создавшейся ситуации, по мнению Горчакова, необходимо срочно менять тактику поведения в отношении повстанческих инициатив турецких христиан, которая была в свое время сформулирована как “политика сдерживания от изолированных выступлений”. Эта тактика, по его словам, была рассчитана на то, что “постепенный упадок исламизма приведет, в конце концов, к преобладанию христианских народов”. Однако, как подчеркнул Горчаков, под воздействием реформ ситуация стремительно меняется, поэтому Россия не имеет “ни права, ни выгоды останавливать размах их борьбы, иначе мы рискуем оттолкнуть их от себя и бросить в объятия враждебного влияния Запада”. “Императорский кабинет рассудил, – подытожил министр, – что единственное, что следует сейчас сделать – это оставить христианам Востока свободное поле действия на свой страх и риск”. Официально Россия не может вмешиваться, поскольку проявление ее “каких бы то ни было слишком явных действий” неизбежно повлечет за собой муссирование темы “русских домогательств”, что, в свою очередь, “непременно навлечет” не только на Россию, но и на самих повстанцев “враждебность Европы”. Однако кроме “горячей моральной поддержки и сочувствия” Россия, по мнению Горчакова, должна попытаться обеспечить славянам “преимущество невмешательства”.

По предложению Горчакова в октябре 1867 г. это “преимущество” действительно было официально оформлено в виде международного документа. Великим державам было предложено подписать коллективную декларацию о невмешательстве в балканские дела. И хотя, по мнению В.М. Хевролиной, данную инициативу следует увязывать прежде всего с угрозой оформления антироссийской коалиции, возникшей после заключения между Францией и Австрией соглашения о сохранении статус-кво на Балканах (август 1867 г.)¹⁷, думается, однако, что вышеприведенные доводы Горчакова позволяют взглянуть на проблему несколько шире. Впрочем, как точно подметил В.Н. Виноградов, на практике российская инициатива обернулась против балканских повстанцев¹⁸. Западноевропейские державы придали документу качественно иное толкование, настаивая на его трактовке как обязательства невмешательства Греции, Сербии и Черногории во внутренние дела Османской империи, т.е. отказа от взаимопомощи в рамках так называемого Балканского союза.

Игнатьев высказался по поводу политических перспектив, связанных с успехами Танзимата, еще более резко. В объемной аналитической записке от 8 января 1868 г.¹⁹ он уделил этой теме едва ли не центральное место. В частности, посол подчеркнул, что

¹⁵ Там же, л. 2об.

¹⁶ ГАРФ, ф. 828, оп. 1, д. 1362, л. 1–18об.

¹⁷ Хевролина В.М. Указ. соч., с. 246–247.

¹⁸ Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова, с. 148.

¹⁹ Русия и българското национално-освободително движение, т. 3, с. 163–169.

“европейские переговоры о реформах... не нацелены ни на что другое, кроме офранцузивания страны и укрепления Османской империи через ее экономическое, интеллектуальное и социальное переустройство. Если эти реформы успеют пустить глубокие корни и если франко-австро-бельгийская линия будет осуществлена, Балканский полуостров изменит свой вид за несколько лет и от этого наши интересы значительно пострадают. Французские агенты не упускают случая воспользоваться нажимом, связанным с Критским вопросом, чтобы принудить турок двинуться по этому пути с надеждой заручиться поддержкой Запада и воздвигнуть барьер против предполагаемого стремления России к захвату ее территории. Вопрос о реформах в Турции ставит нас всегда в затруднительное положение, так как если он не будет решен в центробежном направлении, сообразно с традициями различных национальностей, он вреден цели, которую мы преследуем. Улучшения, изыскиваемые европейцами, обыкновенно диаметрально противоположны нашим видениям и направлены на денационализацию христианского населения, цивилизуя его и все более подчиняя Западу”²⁰.

Опасения российского посла и министра иностранных дел нашли непосредственное отражение в отчете МИД за 1868 г. В этом документе впервые на официальном уровне был четко сформулирован тезис об угрозах, исходящих от инициатив Запада и реализуемых Портой в мероприятиях Танзимата. Цель политики Франции и Великобритании, направленной на ускоренную модернизацию османского общества, была определена в этом документе следующим образом – “все больше и больше излекать христианский Восток из сферы нашего влияния, связать его с Западной Европой вначале с помощью системы реформ, предпринятой под покровительством двух дворов и предназначенных стереть расовые, религиозные и национальные различия в ходе материального прогресса, а затем с помощью системы железных дорог, имеющей в виду не только поставить Балканский полуостров в коммерческую зависимость от Европы, но еще и обеспечить быструю переброску западных армий – либо для защиты Турции от нас, либо для того, чтобы атаковать нас”²¹.

Осознав опасность, Петербург, однако, не был на тот момент в силах препятствовать инициативам западноевропейских кабинетов. Османское правительство спешно приступило к реализации рекомендаций, предложенных в коллективной ноте держав. Политика бурной европеизации страны продолжалась вплоть до осени 1871 г., когда смерть великого визиря Али-паши и попытка султана Абдул Азиза I взять бразды правления в свои руки не привели к некоторой корректировке курса. В сентябре 1871 г. султан сформировал новое правительство во главе с Махмудом Недим-пашой, как оказалось впоследствии вполне лояльного по отношению к России и не склонного покорно следовать советам западных дипломатов. Однако за истекшие четыре года значительная часть рекомендаций была уже претворена в жизнь.

Одним из первых актов, свидетельствующих о готовности Порты исправить указанные в 1867 г. недоработки, стала уступка, которой давно и безуспешно добивался Запад. Законодательно был отменен запрет на право владения иностранцами землей. Формально иностранные и султанские подданные получали равные права в сфере землепользования. Однако благодаря продолжавшей действовать системе капитуляций европейцы оказались на практике в более привилегированном положении: их жилище, имущество и личность остались под надежной охраной прежних трактатов. В частности, османские власти по-прежнему не имели права проникнуть в дом иностранного подданного без соответствующего консула или его поверенного.

Прямой допуск иностранцев в аграрный сектор экономики повлек за собой необходимость оперативной модернизации земельного законодательства. В 1867–1869 гг. в него был внесен ряд поправок, нацеленных на защиту прав землевладельцев, кредиторов и более активное вовлечение земли в систему товарооборота. Изменения касались трех основных направлений: существенно расширился список наследников; разреша-

²⁰ Там же, с. 163–164.

²¹ АВПРИ, ф. Отчеты МИД, отчет МИД за 1868 г., л. 13об.

лась продажа за долги государственных (мирийских) и вакуфных земель без согласия должника; допускалась передача земель кредиторам в качестве залога с правом ее продажи в случае несостоятельности должника.

Что касается требования о необходимости упразднения статуса вакуфных земель, то, ясно понимая возможные социальные последствия этого шага, Порта сделала все, чтобы отложить его выполнение на неопределенное время. Требование отмены ильтизама правительству также удалось фактически заблокировать. Опасаясь повтора катастрофических экспериментов 1840–1841 гг. и 1861 г., когда отказ от ильтизама спровоцировал полный провал сбора сельскохозяйственного налога, Порта издала постановление, которое лишь имитировало видимость реформы.

Требование держав о допуске христиан к несению армейской службы у османского кабинета принципиальных возражений не вызывало. Проблема комплектования войска стояла перед властями чрезвычайно остро. В ходе Крымской войны 1853–1856 гг. огромная турецкая армия оказалась практически полностью уничтожена, а прежний ресурс ее пополнения – оседлое мусульманское население центральных районов империи – был практически полностью исчерпан. Поэтому к предложению о создании добровольческих отрядов из христиан (особенно на период ведения военных действий) в правительстве отнеслись весьма благосклонно. Однако подавляющая масса иноверцев идти в армию категорически не желала, предпочитая платить традиционный налог, освобождавший от службы в армии. Мусульмане же, привыкшие воспринимать воинскую обязанность в качестве почетной привилегии, относились к подобным экспериментам крайне отрицательно.

Преобразования в гуманитарной сфере носили масштабный характер. В сентябре 1869 г. произошло давно ожидаемое событие в рамках доктрины османизма, нацеленной на “слияние наций”. Был обнародован Органический закон о всеобщем образовании, в основе которого лежала рекомендательная записка министра иностранных дел Франции. Принятый документ детально регламентировал структуру системы обучения. Внимание в школах отныне должно было уделяться не только религиозному воспитанию, но и основам светского образования. Светские школы для поступления в лицей, сам лицей и высшие учебные заведения должны были стать общими для мусульман и иноверцев.

Практически одновременно с реформой образования в Стамбуле стартовал еще один французский проект – началась реформа государственного управления. В марте 1868 г. по прямой рекомендации французского посла в Стамбуле Н.-П. Буре вместо распущенного Высшего юридического совета султанским указом были созданы два новых государственных органа – Государственный совет и Совет юстиции. По замыслу разработчиков, реформа государственного управления была призвана подготовить страну к постепенному вступлению на путь парламентаризма. Исходным образцом для османского Госсовета стал учрежденный императором Наполеоном III Государственный совет Франции. В компетенцию нового органа должна была входить подготовка проектов новых законодательных актов, экспертиза инициатив провинциальных меджлисов и некоторые другие вопросы административного характера. Регламент Госсовета предусматривал участие в его работе иноверцев, представлявших основные немусульманские общины – православную, армяно-григорианскую, армяно-католическую и иудейскую.

Не исключено, что именно масштаб проводимых в стране мероприятий, смерть великого визиря Али-паши и приход к власти в сентябре 1871 г. нового кабинета, неясные перспективы на будущее побудили Игнатьева вновь обратиться к теме Танзимата. Уже 4 октября 1871 г. на имя Александра II от посла поступила объемная аналитическая записка²², в которой ясно прозвучали опасения относительно сохранения Россией своего влияния в среде турецких славян. Игнатьев счел необходимым предупредить императора, что на данном историческом этапе фактор времени начал играть не в

²² Там же, ф. Посольство в Константинополе, 1866–1871, д. 4383, л. 59–94.

пользу России и “не в пользу симпатизирующих нам элементов” среди турецких славян. Основную причину этой тенденции посол видел в реформах, осуществляемых Портой под диктовку Запада. “Материальная выгода, которую предлагает Запад, – отметил он, – всегда прельщает в большей степени классы, не достигшие высокого уровня цивилизации”, а потому “в Турции будущие поколения, сменяя друг друга, будут все менее благосклонны к нам”. По мнению Игнатьева, наметившуюся тенденцию постоянно учитывают при выработке своей стратегии на Балканах западные державы, стремящиеся вытеснить Россию с православного Востока. Соответственно, ее нельзя недооценивать и российскому руководству. Преувеличение “значения национальных и религиозных симпатий”, на взгляд Игнатьева, приведет лишь к тому, что со временем “мы можем полностью лишиться” поддержки со стороны славянских элементов. Специфика развития ситуации сулит для России, по его мнению, весьма неблагоприятные политические перспективы, а потому необходимо срочно вносить коррективы в стратегию балканской политики. Поскольку Россия не может противопоставить, по его словам, “мирно-захватнической деятельности Западной Европы материальные средства столь же могучие”, ей следует действовать асимметрично, а именно, стремиться, как он выразился, “к созданию на руинах Османской империи дружественных нам государств”. В качестве одного из средств достижения этой цели посол предложил пересмотр политики “сдержанности” по отношению к славянским повстанцам и активное поощрение их освободительных порывов.

Ход исторических событий показал, что уже через несколько лет – в период Восточного кризиса 1875–1878 гг., – балканская политика России действительно претерпела резкие изменения. Дело не только в том, что через славянские благотворительные комитеты начал активно осуществляться сбор помощи турецким славянам и отправка ее на Балканы (оружие, медикаменты, добровольцы). Сам факт достижения между Александром II и австрийским императором Францем Иосифом так называемых Рейхштадтских договоренностей (июль 1876 г.), а затем заключения на их основе секретной Будапештской конвенции (январь 1877 г.) дает основание предполагать, что к тому времени в высших эшелонах российской власти уже созрело ясное понимание необходимости принятия срочных мер, направленных против усиления южного соседа, а также создание на месте его европейских владений некой россыпи “дружественных государств”. Допустить возвышение на южных границах мощной, модернизированной исламской державы, интегрированной к тому же в экономику и финансовые структуры Запада было бы, как представляется, для России непростительной исторической ошибкой. Равно, впрочем, как и иного другого слишком крупного государства. Непосредственный участник подготовки встречи двух императоров в Рейхштадте русский посол в Вене Е.Н. Новиков высказался в своем докладе канцлеру А.М. Горчакову от 10 июля 1876 г. на этот счет предельно откровенно: “Первостепенный интерес России требует, чтобы Оттоманская империя не была заменена могущественной греческой или славянской политической единицей, которая была бы в силе устранить русское влияние в этом регионе. Рейхштадтская программа целиком отвечает этой необходимости предложенным дроблением Турции на мелкие автономные или независимые государства: болгарское, сербское, албанское и греческое – достаточно большие, чтобы существовать, слишком маленькие, чтобы освободиться от России, и предназначенные обеспечить России длительное влияние в бассейне Черного моря. Это дробление гарантирует взамен монархии Габсбургов упрочение могущества на Адриатике в противовес сербским и, особенно, итальянским притязаниям”²³.

В заключение хотелось бы отметить, что вышеприведенные документы дают некоторое основание к переоценке степени влияния Танзимата на балканскую политику России в целом и, возможно, корректировке некоторых из ее приоритетов.

²³ Там же, ф. Канцелярия, 1876, д. 128, л. 206–206об.